УДК 341.24

Владимир ШВЕЙЦЕР

БРУНО КРАЙСКИЙ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Статья поступила в редакцию 16.12.2020

Аннотация. Статья приурочена к 110-летию со дня рождения Бруно Крайского (1911–1990 гг.), видного государственного деятеля послевоенной Австрии, одного из лидеров международной социал-демократии. С 1959 по 1966 г. он занимал пост министра иностранных дел Австрии. В 1970–1983 гг. возглавлял правительство этого государства. В 1976–1989 гг. являлся одним из вице-президентов Социалистического интернационала. Советская проблематика была для него не только составной частью политических интересов, но и темой постоянного диалога в европейском истеблишменте, важным сюжетом встреч с лидерами СССР. С советским руководством он встречался в период формирования в 1955 г. Австрийского Государственного договора, в процессе диалога 60-х гг. по вопросам австро-советских отношений. Очевиден его вклад в разрядку 70-х гг. в ослаблении противостояния великих держав в начале 80-х. Диалог с СССР затрагивал темы европейской и международной разрядки, событий на Ближнем Востоке, различных ситуаций в странах третьего мира.

Ключевые слова: Крайский, советское руководство, СССР, разрядка, разоружение, европейская интеграция.

Крайский, Сахаров и другие

Будучи критиком многих аспектов внешней и внутренней политики Москвы, не приемля коммунистическое истолкование марксизма, Бруно Крайский не считал идеологические противоречия препятствием для контактов с советским руководством по широкому кругу международных проблем. Речи, интервью, статьи и материалы книжного формата свидетельствовали о его постоянном интересе к внутренним центробежным процессам в советском обществе конца 1960-х – середины 1970-х гг. Одной из наиболее болезненных тем, волновавших Крайского, было советское диссидентство. Никак не преувеличивая роль и место диссидентов в СССР, он считал их надводной частью «айсберга неповиновения», который после смерти И.В. Сталина все более обнажался в коммунистическом лагере. Если в странах Восточной Европы сопротивление коммунистическим режимам было исторически

© Швейцер Владимир Яковлевич – д.и.н., главный научный сотрудник, руководитель Отдела социальных и политических исследований, Институт Европы РАН. Адрес: 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. E-mail: partsist@list.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12021169179>

объяснимо предшествующим, хотя и очень непродолжительным периодом буржуазно-демократических свобод, то в СССР оппозиция формировалась исключительно среди узкого слоя интеллигентов, из которых Крайский особенно выделял академика А.Д. Сахарова, столетие со дня рождения которого будет отмечено 21 мая 2021 г. Меморандум Сахарова, ставший известным на Западе в середине 1960-х гг., побудил Крайского обратить внимание на положение дел в СССР, хотя тогда основной интерес лидеров европейской социал-демократии был связан с «пражской весной» и ее подавлением в конце лета 1968 г. В последующем тема советских диссидентов приобрела для Крайского еще большее значение, ибо в СССР появилась вторая равнозначная по влиянию на советскую интеллигенцию фигура – А.И. Солженицын. 3 сентября 1973 г. в докладе на очередном Альпбахском форуме, посвященном взаимосвязи политики и науки в современном индустриальном обществе, он упомянул Сахарова как человека, ведущего борьбу за свободу, взаимотерпимость и равноправие. Десять дней спустя, выступая перед участниками венской сессии «Международной амнистии», он заявил, что Сахаров должен иметь право публично выступать со своими соображениями. В те сентябрьские дни, когда мир оплакивал трагическую гибель демократически избранного народом Чили президента Сальвадора Альенде, Крайский подчеркивал, что демократы не должны допустить, чтобы репрессии обрушились на Сахарова и его соратников. Тем самым он как бы иллюстрировал на практике необходимость борьбы за права человека в любой точке земного шара. Комментируя публичную поддержку Сахарова и Солженицына, по отношению к которым федеральный канцлер также выказывал свои симпатии, «Зюддойче цайтунг» писала: «Сахаров и Солженицын могут быть спасены от большой опасности, если на Западе найдется еще пара Крайских... Крайский пробил брешь в стене безразличия, которой Запад окружил борцов за права человека в СССР» [Suddeutsche Zeitung, 1973: 8 Sept.].

Информация о поддержке, оказанной ему Крайским, дошла и до опального академика. Начиная с середины семидесятых, Сахаров пересылает Крайскому различными способами несколько писем, в которых просит заступиться за известных ему советских диссидентов. Автору этих строк удалось найти в Архиве Крайского в Вене копию письма Сахарова от 6 марта 1977 г. В нем, в частности, говорилось: «Глубокоуважаемый господин Канцлер! Крайне обеспокоенный судьбой членов советской группы содействия Хельсинки, я строго доверительно обращаюсь к Вам. Я прошу Вас использовать личные контакты и дипломатические каналы, чтобы спасти их от расправы...». Речь шла о Гинзбурге, Орлове, Руденко и Тихом. Сахаров просил Крайского воздействовать на советские власти, добиться освобождения диссидентов и их эмиграции на Запад. Сахаров был убежден в возможностях австрийского канцлера, когда писал ему: «...Ваше авторитетное содействие может решающим образом повлиять на всех, от кого зависит участь этих и не только этих узников совести».

Письмо попало к Крайскому окольным путем: советник по культуре посольства Австрии в Москве д-р Й. Мартэ получил его от жены первого секретаря американского посольства, которой оно было передано, по-видимому, от имени Сахарова.

Следующий свой меморандум академик Сахаров передал в посольство лично. Об этом случае Крайский рассказал на партийном совете Социалистической партии Австрии (СПА) в октябре того же 1977 г.: «На прошлой неделе перед посольством

Австрии в Москве остановился автомобиль с водителем за рулем, и из него вышел лауреат Нобелевской премии профессор Сахаров. Он передал посольству от себя лично и от своих друзей меморандум, адресованный участникам белградской встречи...» [Kreiskiy, 1981: 695]. Крайский привел этот пример отнюдь не для того, чтобы лишний раз показать значимость своей персоны в деле защиты советских диссидентов. Этот случай он использовал для иллюстрации того, какое влияние уже оказывает Запад на судьбы диссидентов. «Возможно ли это было во времена Сталина или даже Хрущева?», – задал членам СПА риторический вопрос Крайский. Что же сделал федеральный канцлер в ответ на просьбы Сахарова и его коллег по диссидентскому движению? Во-первых, он направил все переданные ему материалы австрийским представителям на Белградской конференции, которые, в свою очередь, ознакомили с ними участников этого форума. Во-вторых, он написал несколько писем А.Н. Косыгину. Так, в письме от 12 августа 1977 г. он просил его содействовать выезду в Израиль ученых: киевлянина В. Чудновского и москвича А. Щаранского. Последний был к тому времени бездоказательно обвинен в шпионаже в пользу США. Наконец, проблему советских диссидентов он затронул во время личной встречи с Косыгиным в Москве в феврале 1978 г. В дальнейшем Крайский неоднократно обращался и лично, и через министра иностранных дел В. Пира к высшему советскому руководству, призывая его быть благосклонным к инакомыслящим, исходя из гуманных соображений в духе «третьей корзины» Заключительного акта.

Беспокоила его и судьба самого Сахарова. Так, в феврале 1977 г. Вилли Брандт переслал ему письмо писателя-диссидента Льва Копелева, в котором тот просил Крайского заступиться за Сахарова. После высылки последнего в январе 1980 г. в город Горький Крайский неоднократно пытался воздействовать на советское руководство, чтобы вернуть академика – Нобелевского лауреата – в Москву. Последнее письмо с подобной просьбой он отправил Ю.В. Андропову в мае 1983 г., прося дать Сахарову возможность эмигрировать. Чего же добился Крайский своими обращениями? Думается, его голос в ряду других защитников униженных и оскорбленных сыграл определенную роль. Упомянутые диссиденты смогли тем или иным способом выехать за рубеж, а Сахаров – вернуться в Москву, правда, уже при Горбачеве.

Случай этот не был уникальным для Крайского. Путь на Запад через Вену пролегал для многих гонимых из СССР. Многим федеральный канцлер оказывал личное содействие. В этом, пожалуй, наилучшим образом раскрывались его качества не только политика-гуманиста, но и человека, способного принять лично к сердцу горести иммигрантов вне зависимости от степени известности последних на Западе. Все они были для него объектом заботы и сострадания. Заключительный акт давал ему возможность делать это открыто, не рискуя быть обвиненным в мифическом «вмешательстве во внутренние дела» чужого государства.

Впрочем, этих обвинений Крайский все же не избежал. В одних случаях упреки во «вмешательстве» звучали как бы косвенно, однако, с учетом того, что федеральный канцлер был ближайшим собеседником советских лидеров, намек был весьма прозрачен. Показательна, в частности, речь А.Н. Косыгина на обеде, данном в честь гостя из Австрии во время его февральского (1978 г.) визита в Москву. Советский премьер, говоря о важности выполнения Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству, произнес следующую фразу: «Тот, кто хотел бы ис-

пользовать хельсинкские договоренности в корыстных целях, для вмешательства в чужие дела, наносит ущерб большому и важному делу, которое было начато общеевропейским совещанием» [СССР – Австрия, 1980: 135, 136]. «Тот», к которому была обращена эта тирада, никак не отреагировал, ибо Крайскому было гораздо важнее донести до Косыгина информацию о нарушении прав человека в СССР, чем обмениваться с ним острыми репликами.

В 1970-х – начале 1980-х гг. на страницах советской печати из-под пера авторов разного ранга появлялись прямые обвинения в адрес Крайского. Складывалась весьма парадоксальная ситуация. Крайский существовал как бы в двух лицах. Одно принадлежало весьма уважаемому политику, многие действия которого в международных делах, совпадавшие с позицией СССР, одобрялись в самых лестных выражениях. Сошлемся хотя бы на Н.А. Тихонова, сменившего Косыгина на посту председателя Совета министров СССР, который во время своего визита в Вену (апрель 1981 г.) следующим образом охарактеризовал роль и место Австрии и главы ее правительства в процессе разрядки: «Вместе с другими европейскими государствами нейтральная Австрия внесла достойный вклад в становление политики разрядки и немало делает для того, чтобы отстоять ее сегодня. Мы воздаем должное той роли, которую в этом отношении играет федеральный канцлер Бруно Крайский». Повидимому, в условиях, когда необходимо было искать в Европе политиков, готовых противостоять антисоветскому курсу новой американской администрации, московские власти смогли закрыть глаза на позицию канцлера в отношении диссидентов.

Разрядка: в Хельсинки через Вену

При всей важности для Крайского темы защиты прав человека, в которую органически вписывалась проблема советских диссидентов, разрядка представлялась ему многослойным, многоуровневым процессом, где органически переплетались сюжеты как чисто европейского, так и более широкого международного уровня. В частности, когда шла подготовка к состоявшейся летом 1975 г. в Хельсинки финальной части общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству, Крайский считал, что его решения не должны обойти темы ближневосточного мирного урегулирования и прекращения войны в Индокитае. Наряду со встречами на высшем уровне руководителей СССР и США, с началом переговоров по ограничению вооружений и вооруженных сил в Европе, подготовка к предстоящему Совещанию вызывала у него, в целом, оптимистические ожидания.

В июле 1974 г., сразу после встречи в Москве с советским руководством, Крайский дал обширное интервью по затронутым на переговорах проблемам газете «Известия». Отмечая важность своих контактов с американскими и советскими политиками, он констатировал: «Я воспользовался этими и другими встречами, чтобы вновь поддержать идею скорейшего завершения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе на высшем уровне...».

Крайский считал, что «Совещание должно закончиться принятием прежде всего генеральной декларации, в которой были бы сформулированы условия, необходимые для поддержания и укрепления европейского мира. Среди этих условий немаловажное место имеет отказ от применения силы или угрозы ее применения, закрепление нерушимости европейских границ» [Известия, 1974: июль, 20]. Отметим, что в своем выступлении на церемонии подписания Заключительного акта, харак-

теризуя этот документ как «кодекс доброй воли государств», Крайский был достаточно осторожен в оценках перспектив его основных положений: «Каким бы емким и хорошим ни был для нас этот документ, все будет зависеть от того содержания, которым мы наполним его на практике» [Правда, 1975: 1 авг.]. Ближайшее будущее подтвердило обоснованность предостережения Федерального канцлера Австрии относительно чрезмерного оптимизма по теме реализации записанного в Заключительном акте.

В своей хельсинкской речи Крайский совсем не случайно упомянул подписанный в мае 1955 г. Австрией и великими державами Государственный договор, с которого для австрийцев начался столь благоприятствовавший им процесс разрядки. Тем более что к этому документу сам Крайский, тогда еще всего лишь статс-секретарь австрийского МИДа, имел вполне осязаемое отношение. Он вместе со своим шефом, главой австрийской дипломатии Л. Фиглем, принял участие в берлинском (январь – февраль 1954 г.) совещании министров иностранных дел великих держав, посвященном решению австрийского вопроса.

Для Крайского его первая конференция на столь высоком уровне дала возможность непосредственно наблюдать за схваткой двух титанов тогдашней мировой дипломатии – советского Вячеслава Молотова и американского Джона Фостера Даллеса. Запомнились ему и личные встречи с этими деятелями. В частности, Молотов приватно беседовал с Фиглем и Крайским во время приема в советском посольстве в Восточном Берлине. На этой встрече, участником которой был и будущий министр иностранных дел, а тогда первый заместитель главы МИДа А.А. Громыко, Молотов пытался склонить австрийских представителей к согласию на сохранение и после подписания договора ограниченного воинского контингента СССР – около пяти тысяч человек – в Восточной Австрии. Фигль и Крайский однозначно отказались от этого предложения, считая, что союзники должны, наоборот, определить точный срок вывода своих войск из Австрии.

Во время приема произошел довольно любопытный диалог между Молотовым и Крайским [Kreisky, 1986: 460]. Последний, стремясь как-то разрядить довольно напряженную атмосферу встречи, рассказал советским коллегам, что он много читал Ленина и вообще считает себя образованным марксистом. «Если вы так много читали Ленина, то почему вы находитесь на этом месте?», – спросил Молотов. Министр иностранных дел, по-видимому, полагал, что все знатоки марксизма должны быть в рядах коммунистов. «Именно поэтому и нахожусь», – парировал с улыбкой статс-секретарь Крайский, для которого знание трудов Ленина отнюдь не было равнозначно признанию их верности.

Крайскому и Фиглю пришлось столкнуться в Берлине и с достаточно жесткой позицией Дж.Ф. Даллеса. Последний явно намекал австрийцам, что их стране жилось бы гораздо лучше, если бы она больше ориентировалась на Соединенные Штаты. Даллес был весьма скептически настроен по поводу тенденций нейтрализации Австрии, считая военный вакуум плохим будущим для этой страны. Пришлось австрийским дипломатам объяснять государственному секретарю США, что блоковое решение австрийского вопроса разделило бы страну на манер Германии, а такой судьбы не хочет для себя подавляющее большинство австрийцев. Было также подчеркнуто, что нейтральный статус не адекватен военной незащищенности, и Австрия может быть достаточно вооружена для отражения внешней агрессии.

Отслеживая ситуацию, Крайский обращал внимание на позитивную эволюцию взглядов лидеров СССР по австрийскому вопросу. Было очевидно, что СССР, как это вытекало из речи Молотова на заседании Верховного Совета СССР 8 февраля 1955 г., отказался от увязки решения германской проблемы (мирный договор с ФРГ и ГДР) с заключением Государственного договора с Австрией. Главным здесь было то, что СССР хотел получить гарантию от перспектив «нового аншлюса». По мнению Молотова, от Австрии ожидали обязательства невступления в какие-либо военные союзы. После совещания в МИД Австрии Крайскому было поручено прозондировать поднятую Молотовым тему во время встречи с советским послом в Вене С.М. Кудрявцевым. Последний был приглашен на ужин в дом Крайского на Армбрустер гассе, 15. На встрече присутствовал и вице-канцлер А. Шерф. Во время этого мероприятия именно Крайский предложил для Австрии модель Швейцарии, обозначенную на Венском конгрессе 1815 г. Советский посол незамедлительно передал в Москву предложение, гарантирующее неучастие Австрии в военных блоках. Начался заключительный, прорывной этап в решении австрийского вопроса. Его важной стадией стал визит австрийской правительственной делегации, членом которой был и Крайский, в Москву в середине апреля 1955 г. По итогам визита обе стороны приняли меморандум, где были решены основные проблемы, препятствовавшие заключению Государственного договора. Спустя месяц он был подписан в Вене министрами иностранных дел СССР, США, Великобритании, Франции и Австрии.

Нет сомнения в том, что активное участие Крайского на последнем этапе заключения Государственного договора не только укрепило его позиции как австрийского политического деятеля, но и значительно повысило его авторитет на европейском уровне.

Между Москвой и Вашингтоном

Разрядка середины 1970-х гг. предполагала, по мнению Крайского, реальные шаги в сфере уменьшения военной угрозы, суть которых заключалась в прекращении гонки вооружений. Здесь Крайский видел главных субъектов этого процесса – СССР и США – в качестве ключевых фигур создания системы равновесия в военной сфере. Равновесие, по его словам, нельзя ограничить лишь конвенциональным оружием и потенциалами войск противостоящих блоков. Прежде всего, речь должна идти о стратегических вооружениях, главное среди которых – ядерное оружие, способное стереть с лица нашей планеты все живое. Логика Крайского предполагала следующее видение политики США и СССР в этом вопросе. Советский Союз значительно слабее США в экономическом отношении; для него сокращение военных расходов более необходимо, их рост с экономической точки зрения нелогичен. Для Вашингтона, наоборот, рост в послевоенный период военного производства содействовал экономическому процветанию. Казалось бы, рассуждал Крайский, СССР в большей степени должен быть заинтересован в разоружении, однако СССР не доверяет США и Западной Европе, опасаясь, что американцы могут попытаться изменить общественный строй в странах «социалистического сотрудничества». Запад, со своей стороны, также – и не без оснований – подозревает СССР в экспансионизме. Следовательно, делал вывод Крайский, «существует не только равновесие страха, но и равновесие недоверия».

Как его преодолеть? Без прогресса на двух- и многосторонних переговорах, полагал федеральный канцлер, дело не сдвинется с мертвой точки. После Хельсинки диссонанс между уже достигнутым в политической разрядке и топтанием на месте в вопросах военной разрядки стал еще более заметен. Об этом он достаточно откровенно говорил в любых аудиториях. «Причины того, что проходящие в Вене переговоры о сокращении вооруженных сил и вооружений не продвигаются вперед, заключаются также и в том, что пока не удалось добиться единства точек зрения относительно мер по сохранению равновесия», – с горечью констатировал он в марте 1976 г., выступая перед делегатами XXIII съезда австрийских социалистов. «Однако, – не терял надежды Крайский, – возможно, что в ближайшие месяцы это единство будет достигнуто» [Kreisky, 1981: 568].

Стагнацию практических результатов на венских переговорах между НАТО и ОВД, и женевских – между СССР и США, канцлер считал следствием многих причин, в том числе и боязни обеих сторон в отношении обмена объективной информацией о военных потенциалах и новейших разработках в этой области. Делясь своими размышлениями на сей счет с делегатами партийного съезда Социалистической партии Австрии, он полагал, что «вряд ли кто-нибудь заинтересован в том, чтобы держать в секрете новые, немыслимые виды оружия. Фактор безопасности состоит в том, что сверхдержавы проинформированы о способности уничтожить друг друга». В этой ситуации, полагал Крайский, не важно, кто сделает первый шаг навстречу партнеру по переговорам, важно, чтобы этот шаг был сделан.

Не ограничивая себя лишь ролью наблюдателя и комментатора процесса переговоров, Крайский оказался радушным хозяином встречи Л.И. Брежнева и Дж. Картера, состоявшейся в Вене в июне 1979 г., где лидеры СССР и США поставили свои подписи под договором ОСВ-II. Несколько дней спустя австрийский канцлер, выступая с правительственным заявлением перед сессией Национального совета (парламента), дал следующую оценку как подписанию нового советско-американского соглашения, так и самой встрече лидеров сверхдержав. «Неопровержимым фактом величайшего значения является то, что два политических деятеля крупнейших государств мира... провели почти четыре дня в нашей столице для того, чтобы обсудить проблемы мира и международного сотрудничества». Крайский назвал эту встречу «величайшим из исторических событий», имевших место в столице Австрии после Венского конгресса 1815 г.» [Kreisky, 1981: 819].

Однако это событие стало не началом новой фазы политики разрядки, на что надеялся Крайский и большинство других политиков Запада, а последним лучом надежды перед новым этапом резкого ухудшения международной обстановки, в которой обе сверхдержавы вели себя так, как будто угроза ядерного конфликта уже принадлежала истории. Ввод советских войск в Афганистан, взаимная гонка вооружений наряду с проявлением политики с позиции силы, начатой президентом США Р. Рейганом, – все это не давало Крайскому основания для оптимизма. Хотя он пытался поддерживать любые мирные инициативы даже в том зачаточном состоянии, в каком они преподносились главами сверхдержав, было ясно, что его опасения, высказанные в день подписания Заключительного акта 1975 г., оправдываются. Разрядка утрачивала то реальное содержание, которое она должна была иметь.

Крайне негативным, с точки зрения взаимоотношений великих держав, и малоэффективным с практической точки зрения, являлся новый антисоветский курс Рейгана. Разговор с СССР с силовой позиции бесперспективен, считал федеральный канцлер Австрии. Выступая перед делегатами XXVII съезда социалистов (октябрь 1982 г.), он назвал наивным мнение американских политиков, будто бы Москву и ее союзников в Восточной Европе можно поставить на колени, не продавая им новейшее технологическое оборудование. Советский Союз выстоял в более жестоких схватках, – в битве с Гитлером, когда тот был уже у стен Москвы и Ленинграда. Победив в «величайшей войне всех времен», он, конечно же, не будет повержен и в результате экономического бойкота. Однако в результате подобных шагов, считал Крайский, мир станет еще более ненадежным, ибо наступит чудовищное обострение международной напряженности и новый виток холодной войны [Arbeiter Zeitung, 1982: 12 Okt. 4].

В речи на съезде 1982 г. Крайский также затронул тему, которую он раньше избегал. Помня о вкладе США в победу над гитлеризмом, о спасительном для его страны в конце 1940-х гг. «плане Маршалла», он крайне неохотно шел на критический тон в отношении Вашингтона. «Соединенным Штатам хорошо известно, что в лице Австрии они имеют лояльного, глубоко преданного им друга, ибо мы хорошо помним, что сделали для нас США и американский народ. Однако дружба не означает, что мы будем всегда соглашаться со всем, что там говорят». Делегаты съезда поняли этот прозрачный намек. Ведь именно осенью 1982 г. США попытались оказать нажим на Австрию, чтобы она отказалась от поставок в СССР и другие страны Восточной Европы технологий, которые, по утверждению американцев, имели стратегическое значение. Крайский был возмущен этим посягательством на суверенные права своего государства.

Федеральный канцлер полагал, что в тревожной обстановке того периода социал-демократические правительства должны содействовать возобновлению диалога между СССР и США по вопросам разоружения. Этой задаче, считал он, мог бы содействовать и Социалистический интернационал. Крайский активно поддерживал усилия в этом направлении, предпринятые В. Брандтом, посетившим Москву в июне 1981 г. для встречи с Л.И. Брежневым. С другой стороны, Крайский был уверен в том, что социал-демократы должны гасить в общественности рост антиамериканских настроений. В этой связи он весьма скептически рассматривал европейское движение за мир, видя в нем сильный элемент антиамериканизма, усиленно стимулируемый коммунистическими партиями. Его особенно тревожила информация о скрытой поддержке Москвой некоторых антивоенных движений в Европе. В то же время он понимал, что в обстановке, когда американцы заявили о возможности размещения в Европе, учитывая аналогичные действия СССР, ракет средней дальности, трудно избежать массовых акций протеста. Да и сам он крайне встревожено встретил весть о размещении первых ракет осенью 1983 г. Свидетельством настроений Крайского стало письмо, направленное им Р. Рейгану. В нем Крайский как вице-президент Социнтерна призвал президента США серьезно обдумать последствия такого шага. Он указывал, что эти действия дадут новые аргументы антиамериканским настроениям молодежи Старого Света, составляющей ядро движения за мир. В послании подчеркивалось и другое обстоятельство: новый виток

гонки ядерных вооружений может привести к кризису всей системы европейской безопасности.

Перестройка с позиций австрийского социал-демократа

Перемены в СССР и других странах Восточной Европы пришлись на последний этап политической биографии Бруно Крайского. В 1983 г. он навсегда оставил стезю государственного деятеля, а спустя несколько лет по состоянию здоровья перестал быть активным участником европейского социал-демократического движения. Однако вплоть до своей кончины 29 июля 1990 г. Крайский постоянно держал руку на пульсе международных событий. Конечно же, ему были крайне интересны процессы, начинавшиеся в Советском Союзе. Об этом свидетельствовали его высказывания как на страницах западной прессы, так и в публикациях в СМИ стран Восточной Европы и СССР.

Перестройку Крайский, как и большинство других политических деятелей Запада, почувствовал прежде всего по тем переменам, которые произошли во внешнеполитическом курсе Кремля. Слишком велики были завалы, которые с середины 1970-х гг. создавали Восток и Запад в сфере международных отношений. Крайский отмечал, что новый генсек Горбачев, в отличие от своих предшественников, не склонен подчинять внешнюю политику идеологическим догмам. Крайский уловил в речах и выступлениях Горбачева, которые, по его собственным словам, он читал «очень внимательно», прослеживающуюся взаимосвязь решения международных и внутренних проблем СССР. Честолюбивые задачи, заявленные новым руководством КПСС, можно было выполнить лишь «в том случае, если Советский Союз будет избавлен от гигантского финансового бремени, порожденного гонкой вооружений. В реформаторских концепциях и начинаниях периода перестройки Крайский обнаружил ту же тенденцию, которую он сам стремился реализовать в Австрии в годы однопартийного правления социал-демократов. «Реформы, стабилизирующие систему, приобретают иное качество, когда их количество возрастает», – писал он во втором томе своих мемуаров. Крайский отдавал себе отчет в том, что судьбы перестройки еще неясны, а в Кремле продолжается борьба двух тенденций, ибо противники реформаторского курса – представители старой номенклатуры – без радости встретили новации середины 80-х гг. Крайский не исключал поэтому попятных процессов в постбрежневском СССР, однако считал, что Запад во всех случаях должен внимательно следить за развитием событий, чтобы потом «не винить себя в том, что на крупные перемены не было вовремя обращено должного внимания» [Kreisky Vorwort, 1987: 13].

Крайский считал важным донесение до граждан стран социалистического лагеря собственных взглядов по проблематике взаимоотношений основных сил международного рабочего движения. В годы перестройки советские читатели смогли лучше уяснить позицию Крайского по этой тематике, чему, безусловно, способствовала гласность, позволившая читателям в СССР узнать мнение австрийского государственного деятеля из первых рук. Неумолимый ход времени не позволил Крайскому увидеть своими глазами крах СССР и самой Перестройки, в которой Горбачев и его сподвижники оказались не готовы найти оптимальный вариант перехода от старого к новому.

Весьма показательно опубликованное в еженедельнике «Московские новости» (18 октября 1987 г.) предисловие Крайского к вышедшей в Вене книге Михаила Горбачева «Чего я действительно хочу. Ответы на вопросы планеты». В нем бывший канцлер, в частности, прямо указал на ту функциональную роль, которую играет социал-демократия в современном мире: «Давнего простого деления на левых и правых больше не существует, многие старые истины и идеологии вот-вот исчезнут. Тем не менее демократический социализм именно тогда вновь обретет свою роль, когда его последователи осознают, что должны действовать в качестве третьей силы между консерватизмом и коммунизмом». Как же быть с проблемой взаимоотношений коммунистов и социал-демократов, которая волновала часть читательской аудитории в СССР, воспитанной в духе догм? Крайский ответил и на этот вопрос, который задал ему в сентябре 1988 г. корреспондент «Литературной газеты». По словам старого социал-демократа, «речь может идти лишь о такой базе для сплочения, когда общим лозунгам было бы отдано предпочтение перед разногласиями». По мнению Крайского, главные из них: борьба за мир, защита права на труд, ликвидация безработицы, чистота окружающей среды, солидарность с Третьим миром. Он вполне определенно указал, что видит выход «не в формальных объединениях “старых” и “новых” левых, а в единстве в деле защиты общечеловеческих ценностей».

Крайский попытался объяснить советским читателям свое понимание той системы, в которой они жили. На вопрос другого интервьюера из СССР – корреспондента еженедельника «Эхо планеты» (сентябрь 1989 г.) о том, как сегодня обстоит дело с почти вековым спором коммунистов и социал-демократов, Крайский ответил достаточно откровенно: «Идеи коммунизма потеряли сегодня свою притягательную силу, которую они имели среди широких слоев рабочего движения и некоторой части интеллигенции после Октябрьской революции и победы над фашизмом. Преступления сталинского режима, попрание прав человека и нерешенность экономических проблем подорвали веру в правильность идей коммунизма как модели будущего устройства общества».

Бросалась в глаза та определенная эволюция в оценках, вернее, в педалировании тех или иных сторон проблемы сотрудничества коммунистов и социал-демократов, которая наблюдалась в трех вышеприведенных отрывках из высказываний Крайского. Он постоянно соотносил свои слова с той реальной ситуацией, которая менялась у него на глазах. При этом он не считал зазорным признаваться в том, что не всегда может уловить особенность тех подспудных перемен, которые происходили в коммунистическом обществе в конце 1980-х гг. и которые привели в конечном итоге к появлению в восточноевропейских странах режимов нового политического качества. В своем последнем интервью, которое Крайский, и это достаточно символично, дал социал-демократическому журналу «Цукунфт» (1990, № 5), он признался, что не понял причин столь быстрого краха коммунизма в Восточной Европе. Это обстоятельство окажет, по его мнению, решающее воздействие на проблематику взаимоотношений сил в более широком контексте. «Сегодня можно с полным основанием говорить об окончательном крахе коммунизма, и в этой связи ставить вопрос о новом единстве рабочего движения». Уходящий из жизни политик не мог дать какую-либо определенную оценку этому процессу.

Спустя тридцать лет после смерти Бруно Крайского логично констатировать сохраняющуюся неопределенность в раскладе европейских партийно-политических сил, столкнувшихся со множеством ранее не просчитанных ситуаций. Для нас важным представляется прагматический, а не чисто идеологизированный подход видного политика прошлого к решению широкого круга международных проблем.

Список литературы

- Швейцер В.Я. (1978) Общественно-политические взгляды Бруно Крайского. ИНИОН, Москва, Россия.
- СССР – Австрия 1938–1979. Документы и материалы. «Международные отношения», Москва, 1980, Россия.
- Швейцер В.Я. (1991) Бруно Крайский. Штрихи к портрету в траурной рамке. В кн: Лидеры международной социал-демократии. «Международные отношения», Москва, Россия.
- Ватлин А.Ю. (2006) Австрия в XX веке. «Дрофа», Москва, Россия. С. 222.

References

- Bruno Kreisky. Die Zeit in der wir leben. Betrachtungen zur internationalen Politik. Wien–München–Zürich–Innsbruck, 1978.
- Bruno Kreisky. Zwischen den Zeiten. Erinnerungen aus fünf Jahrzehnten. Berlin (W). Wien, 1986.
- Bruno Kreisky. Im Strom der Politik. Der Memoiren zweiter Teil. Berlin (W). Wien, 1988.
- Bruno Kreisky. Reden. Bd I, II Wien, 1981.
- Bruno Kreisky. Politik braucht Visionen Aufsätze, Reden und Interviews zu aktuellen Weltpolitischen Fragen, Königstein Ts., 1982 Vorwort von Alt-Bundeskanzler Bruno Kreisky. In Michail Gorbatschow. Was ich wirklich will. (Hrsg von Herbert Steiner und Maria Sporrer). Wien, 1987.
- Peter Turini u.a. Bruno Kreisky. Wien, 1981.
- Shveitser V.Ya. (1978) Obshchestvenno-politicheskie vzglyady Bruno Krajskogo [Socio-political views of Bruno Kreisky]. INION, Moscow, Russia. (in Russian).
- Shveitser V.Ya. (1980) SSSR – Avstriya 1938–1979. Dokumenty i materialy [Documents and materials]. “Mezhdunarodnye otnosheniya”, Moscow, Russia. (in Russian).
- Shveitser V.Ya. (1991) Bruno Krajskij. Shtrihi k portretu v traurnoj ramke [Bruno Kreisky. Touches to the portrait in a mourning frame]. V kn: Lidery mezhdunarodnoj social-demokratii. “Mezhdunarodnye otnosheniya”, Moscow, Russia. (in Russian).
- Vatlin A.Yu. (2006) Avstriya v XX veke [Austria in the XX century]. “Drofa”, Moscow, Russia. (in Russian).

Bruno Kreisky and the Soviet Union

Received 16.12.2020

Author: Shveitser V., Doctor of Sciences (Political), Department of Country Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** partsist@list.ru

Abstract. The article is dedicated to the 110th anniversary of B. Kreisky (1911 – 1990), a prominent statesman of post-war Austria, one of the leaders of international social democracy. From 1959 to 1966 he served as Minister of Foreign Affairs of Austria. In 1970 – 1983 he was in charge of the Government of that State. In 1976 – 1989, he was Vice-President of the Socialist International. Soviet issues were not only an integral part of his political interests, but also a topic of constant dialogue within the European establishment, an important subject of meetings with the leaders of the USSR. Being a critic of many aspects of the USSR's foreign and domestic policy, not accepting the communist interpretation of Marxism, he did not consider ideological contradictions an obstacle to contacts with the Soviet leadership on a wide range of international issues. The dialogue with the USSR touched upon the topics of European and international detente, events in the Middle East and various situations in the countries of the "Third World".

Keywords: Kreisky, Soviet leadership, Soviet Union, detente, disarmament, European integration.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12021169179>